

Б. А. Фролов. Первобытная графика Европы. М., 1992. 200 с.

Наше тяжелое время не лучшим образом сказалось на многих сторонах научной жизни и особенно на деятельности научных издательств. В последние годы мы все реже видим на издательских стендах серьезные исследовательские труды, посвященные фундаментальным проблемам гуманитарных наук. Тем ограднее держать в руках такой труд, как рецензируемая книга. Она посвящена сложнейшим вопросам первобытной графики Европы, написана не только глубоко профессионально, но и чрезвычайно увлекательно.

Автор обобщил опыт мировой науки по интерпретации древнейшей графики, образцы которой были впервые обнаружены в Европе, затем в Азии и других частях света. Почти необозримые массивы данных прослежены Б. А. Фроловым преимущественно по первоисточникам и объединены в сжатом и во многих отношениях новаторском их анализе, сопровождаемом большим количеством иллюстраций. Книга, несомненно, привлечет внимание не только узких специалистов, но и, как принято говорить, широкого читателя, интересующегося проблемами истории культуры человечества.

Как известно, в Европе начиная с XVI в. не раз находили изображения, которые позднее были датированы палеолитической эпохой, но они вызвали много споров и породили различные гипотезы, представляющие не только историографический интерес: дискуссии об истоках первобытного искусства, интерпретации древнейших изображений в памятниках мировой культуры ведутся поныне, что достаточно ярко демонстрируют и материалы рецензируемой книги. Краткую, но весьма насыщенную фактами характеристику образов древнейшей графики Б. А. Фролов дает в первой главе «Открытие забытого мира. Изобразительная деятельность палеолитического населения Европы». Обращаясь к материалу своего исследования, ученый анализирует его и с позиций археолога, и с точки зрения этнолога, и в контексте современного опыта психологии творчества, отмечая моменты счастливого озарения ученых в постижении нового смысла известных уже реалий первобытного искусства. Автор убедительно связывает эти эвристические находки в познании древнейшей истории мировой культуры с существенными поворотами в духовном развитии народов Европы и со значительным расширением исследовательской базы, в частности с успехами этнографии, в особенности сибирских народов. Открытие и интерпретацию древних памятников европейской графики Б. А. Фролов рассматривает также в свете эволюции взглядов на историю искусства, к которым он обращается и во второй главе.

В этой главе, названной скорее поэтично и интригующе, чем строго научно, «Хроника пробуждающегося разума», автор вводит читателя в лабораторию новейших исследований по психологии носителей первобытных и традиционных культур. Б. А. Фролов обосновывает принципы нового научного направления, разработанного им и американским ученым А. Маршаком независимо друг от друга. Он вскрывает сложные космологические, астральные и математические аспекты в генезисе графики, искусства и духовной культуры древнего человечества. К этим проблемам ученый частично обращался уже в одной из своих прежних монографий¹. Среди наиболее любопытных выводов — палеолитическое население Евразии знало лунный календарь и пользовалось им в повседневном быту и в сложной культурной практике. Соответственно более глубокие архаичные пережитки, восходящие своими истоками к палеолитическим традициям, полнее и значительнее дольше, чем у европейцев, сохранялись (до сравнительно недавнего времени) у некоторых сибирских народов.

Стремясь постичь образ мышления древнего мастера, автор обращается к конкретным изображениям палеолитической эпохи. Так, анализируя палеолитические браслеты из кости мамонта с покрывавшим их четким геометрическим орнаментом из стоянки Мезин на р. Десне у Чернигова, Б. А. Фролов расчленяет изображение на простейшие исходные элементы и просчитывает все возможные, случайные и закономерные соотношения между ними, приходя к выводу, что мастер строил свой узор, опираясь на лунно-солнечный календарь, воплощая его в геометрической композиции. Автор приходит к важному выводу, что история изучения палеолитической графики, равно как и живописи, скульптуры, показывает, что мы можем продвигаться к пониманию их специфического содержания лишь в той мере, в какой учитываем применяемые в них понятия о ритме, симметрии, числах, площадях, направлениях (вертикальном, горизонтальном и др.), последовательности, повторяемости, чередований событий во времени, понятия о функциях организма. Реальные знания о мире у творцов первобытного искусства опирались на более широкий круг явлений действительности и проявлялись в более сложных формах, чем принято думать.

Вместе с тем в этой, как и в предыдущей главе, Б. А. Фролов, на наш взгляд, слишком категоричен, рассматривая древних мастеров прежде всего как прагматиков, опиравшихся на реальные знания окружающего мира, на логические умозаключения. Ученый весьма критически относится к господствующей среди западных ученых магической концепции в трактовке палеолитического искусства и его генезиса. В частности, он подчеркивает, что методологическая слабость этой концепции проявилась в неспособности объяснить диалектику первобытного художественного творчества, его связь с магическим содержанием и целями. Более того, подчеркивает Б. А. Фролов, согласно данным этнографии, магическая обрядность скорее угнетала пластические искусства, чем способствовала их расцвету: для колдовских операций достаточно простейших, примитивнейших схематических фигурок и рисунков (с. 52). Но последнее положение особенно спорно. Именно этнография, как впрочем и археология, дают примеры развития сложнейших и чрезвычайно интересных и выразительных художественных образов, рожденных магическими представлениями и мифологией. Примеров тому чрезвычайно много и в Северной Азии (укажем хотя бы на высокохудожественные образы в мифологическом прикладном искусстве древнего Берингоморья и его традиции в современном искусстве Чукотки), в

